

Ворчание из могилы

Автор:

[Роберт Хайнлайн](#)

Ворчание из могилы

Роберт Энсон Хайнлайн

Fanzon. Все о великих фантастах

Роберт Хайнлайн – отец современной фантастики. Грандмастер премии «Небьюла» и многократный лауреат премии «Хьюго». Самый влиятельный, популярный и противоречивый автор – создатель лиричной «Двери в лето» и таких разных книг, как милитаристский «Звездный десант» и гуманистический «Чужак в стране чужой».

Перед вами автобиография, в которой Хайнлайн предстает живым человеком, со своими страстями и конфликтами, с невзгодами и победами. Откроется его личная жизнь, политические, социальные и религиозные взгляды. Вы проследите за творческим процессом и эволюцией стиля, получите уроки мастерства от величайшего писателя-фантаста.

Книга была тщательно собрана из личной переписки автора с редакторами, агентами, друзьями и коллегами-фантастами и отредактирована женой писателя – Вирджинией Хайнлайн.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Роберт Хайнлайн

Ворчание из могилы

Для детей Хайнлайна

© С.В. Голд, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

В этой книге не будет отточенных текстов, ничего напоминающего рассказы Хайнлайна или его статьи последних лет. Эти материалы были извлечены из ежедневной переписки автора с его литературным агентом и другими адресатами, многие письма приводятся с сокращениями.

Из них убрана большая часть утомительных переговоров относительно деталей контрактов, обсуждения процентов роялти и прочие вещи, которые захлестили бы рассказ о литературном творчестве (и о многом другом). Эта книга родилась из толстых папок, содержащих миллионы слов, большая часть которых была бы скучна тем, кто не интересуется каждодневным писательским трудом и продажами рукописей.

Многие просили меня заняться биографией Роберта или нашей общей – его и моей, – но я всё ещё к этому не готова. Возможно, когда-нибудь потом.

А пока – перед вами переписка: она охватывает большую часть периода, начиная с момента, когда Роберт впервые начал писать, до 1969–1970 года, когда он обнаружил, что затяжные нюансы его бизнеса, а впоследствии серьёзная болезнь фактически свели к нулю время, отведённое на писательский труд. Тогда я взяла на себя канцелярскую работу, информацию по продажам, налоговый учёт и часть корреспонденции. В 1970-м Роберт тяжело заболел. Он проболел весь год, и заботы о делах полностью легли на мои плечи. Нам повезло, что я начала этим заниматься годом раньше.

Я отобрала выдержки из писем по нескольким темам, так, чтобы объединить все идеи и заметки, которые к ним относились. На самом деле в каждом письме

затрагивалось множество вопросов, но я разбила их по темам, насколько это было возможно. Вот некоторые из тем: романы для подростков, романы для взрослых, издатели, путешествия, переписка с поклонниками, потерянное время, творческие методы Роберта и т. д.

Некоторые имена были опущены по юридическим причинам.

В письмах сохранились ссылки на телефонные переговоры, но восстановить их было невозможно. Поэтому их пришлось убрать из текста.

Здесь совсем немного выдержек из писем, написанных после того, как я взяла на себя управление делами... большинство этих писем написаны самим Робертом. Время от времени он говорил с Лертоном Блассингэймом, своим агентом, но большую часть своего времени он читал рабочие материалы и писал. В течение последних восемнадцати лет своей жизни он много болел. Но между тем он продолжал работать.

Я была его «первым читателем» – человеком, который первым читал каждое его произведение и высказывал предложения по сокращениям, исправлениям и т. п. Это была большая ответственность. Когда в 1970-м Роберт слёг с перитонитом, «Не убоюсь я зла» всё ещё нуждался в большем количестве сокращений. Было очевидно, что он не в состоянии (и ещё долго не будет в состоянии) этим заниматься. Издатель требовал рукопись, и тогда я сделала ксерокс с черновика и отправила ему копию. За это я несу полную ответственность. Возможно, после сокращений эта история стала бы лучше. Но, несмотря на это, только в США было продано больше миллиона её экземпляров в мягкой обложке, она была переведена на более чем полдюжины языков и всё ещё продолжает издаваться по всему миру, в том числе на английском языке.

Однажды Роберт написал своему агенту, что хотел бы написать автобиографические мемуары и назвать их «Ворчание из могилы Роберта Э. Хайнлайна (покойного)».

Вот эта книга. В ней – долгие годы, множество тем и личные заметки, взятые главным образом из переписки между Робертом и его агентом, Лертоном Блассингэймом.

Вирджиния Хайнлайн Кармэль, Калифорния, 1988

Роберт Э. Хайнлайн

Краткая биография, написанная Вирджинией Хайнлайн

Роберт Энсон Хайнлайн родился 7 июля 1907 года в Батлере, штат Миссури, третьим из семерых детей Бам Лайл Хайнлайн и Рекса Ивара Хайнлайн. Он был ещё ребёнком, когда его растущая семья переехала в Канзас-Сити.

Научившись читать, Роберт читал всё, что попадалось ему в руки. Он буквально читал на ходу по дороге в школу, шагая по улице, петляя по тротуарам, до самого здания школы. Он посещал неполную среднюю школу, затем Центральную среднюю школу в Канзас-Сити и проучился один год из двухгодичного курса в местном колледже.

Его старший брат поступил в Военно-морскую академию Соединённых Штатов, и Роберт тоже постарался туда попасть. Он собрал множество рекомендательных писем от разных людей и, получив направление от сенатора Джеймса Рида, попал в Военно-морскую академию в 1925 году.

После её окончания в 1929-м он поступил на службу на борт «Лексингтона» под командование капитана И. Дж. Кинга, который позднее, во время Второй мировой войны, стал главнокомандующим американского Флота. Когда срок его службы на «Лексингтоне» подошёл к концу, капитан Кинг подал рапорт, чтобы оставить его в качестве специалиста по артиллерийскому делу. Однако Роберта назначили служить офицером-артиллеристом на эсминце «Ропер».

Служба на эсминце была нелегка: из-за сильной качки корабля Роберт постоянно страдал от морской болезни. Он похудел и слёг с туберкулёзом. После излечения Флот уволил его с действительной военной службы.

В возрасте двадцати семи лет он оказался списан на берег с маленькой пенсией. Ему пришлось искать какой-то способ увеличить эти средства. Он пробовал заниматься серебряными рудниками, политикой, продавал недвижимость и пытался учиться на инженера.

Однажды в журнале научной фантастики он увидел объявление о конкурсе. Тогда он сел и написал рассказ («Линия жизни»). Он чувствовал, что рассказ был слишком хорош для журнала, проводившего конкурс, поэтому он послал его в ведущий журнал в этой области, «Astounding Science Fiction». Джон В. Кэмпбелл-младший купил этот рассказ.

Следующие несколько рассказов, которые он написал, продавались хуже, и только на пятой или шестой попытке Кэмпбелл снова купил у него один рассказ. Второй и последующие рассказы в конечном счёте тоже были проданы, а Роберта зацепила писательская стезя. Он начал писать, чтобы выплатить ипотечный кредит на дом, который они с женой купили несколько лет назад. После того как ипотека была выплачена, он попробовал бросить писать, но почувствовал какой-то смутный внутренний дискомфорт, и, только вернувшись к пишущей машинке, он вновь почувствовал себя полноценным человеком.

Во время Второй мировой войны Роберт оставил литературу, чтобы выполнять инженерную работу для американского Флота. В течение трёх лет он занимался этой работой в Филадельфии. После войны он вернулся к литературной деятельности. Теперь он искал более широкие горизонты. Его убедили начать подростковую серию, он начал продавать рассказы в «Saturday Evening Post». Его второй подростковый роман приобрело телевидение, запустив на его основе сериал, который шёл в течение пяти лет. Он также написал сценарий к классическому фильму «Destination Moon» и начал подумывать о написании серьёзных романов для взрослых, чтобы открыть этот рынок для научной фантастики.

Роберт считал, что возможность выхода человечества в космическое пространство достаточно важна и вполне осуществима, поэтому ещё во время службы в Филадельфии он написал два письма, пытаясь убедить Флот начать исследование космоса. Одно письмо прошло по инстанциям до главы Филадельфийской экспериментальной станции Военно-воздушных сил морского базирования, который и убил это предложение. Второе с помощью друга прошло (также по инстанциям) через Оперативное военно-морское командование и добралось до кабинета министров. Рассказывали, что тогдашний президент Трумэн воспринял его достаточно серьёзно и даже спросил, может ли такая ракета быть запущена с палубы корабля. Нет, ответили президенту. И это уничтожило проект.

В 1947-м Роберт развёлся с женой, и, когда он получил решение суда, он женился на мне[1 - Законодательством США был предусмотрен испытательный период в один год с момента судебного решения о разводе. Юридически развод вступал в законную силу после этого периода. Весь год Роберт и Вирджиния, опасаясь судебного преследования (которое могло обернуться крупным штрафом или тюремным заключением), колесили по стране, ночевали в мотелях, изображая случайных попутчиков, жили в трейлере и свели к минимуму контакты с друзьями. Хайнлайн опасался не только детективов, которых грозила послать по его следу бывшая жена Лесли, но и ущерба своей репутации в условиях достаточно жёсткой общественной морали. Поэтому о факте сожителства не знали даже его близкие друзья.]. Во Вторую мировую войну я пошла на Флот, как WAVES[2 - WAVES – Woman Accepted for Volunteer Emergency Service, подразделение ВМФ США, созданное в 1942 году для доступа женского персонала к службе на Флоте. Женщины должны были заменять мужчин на береговых должностях, высвобождая их для службы в действующем Флоте.], а заканчивала службу в Филадельфии, где я встретила Роберта: мы работали в одном подразделении.

Однажды Роберт потратил несколько часов на поиски каких-то заметок для антологии. Пытаясь ему помочь, я поняла, что его папки нужно систематизировать. И тогда я начала выстраивать систему, которой пользуюсь по сей день. Так я оказалась вовлечена в литературный процесс.

К тому времени, когда Роберт почувствовал себя выше головы загруженным делами (переписка с агентами, ведение учёта, ответы на письма поклонников и прочая рутина – неизбежные спутники литератора), я уже чувствовала себя достаточно хорошо знакомой с его делами, поэтому смогла принять на себя эти заботы. Мы работали как одна команда, вместе обсуждали поступающие предложения, и я отвечала за него на письма.

После того как была запущена подростковая серия, множество книг было продано, прежде всего, в библиотеки. И тогда Роберт стал любимцем библиотекарей. Его то и дело приглашали выступить с речью, а ежегодно, к выходу очередной книги для юношества, он делал специальную программу на радио.

Но он по-прежнему очень хотел заниматься серьёзной литературой для взрослых, а не для специализированного рынка научной фантастики. Так, в 1960-м, он закончил писать «Чужак в стране чужой». Эта книга стала самым

известным его произведением. Вчерашние мальчишки, зачитывавшиеся его подростковыми романами, продолжали интересоваться научной фантастикой, которую Роберт сделал столь популярной. Поэтому он намеревался писать для них «взрослые» романы. В течение нескольких лет он регулярно писал две книги в год, одну для взрослых и одну для подростков. Кроме того, он постоянно получал заказы на разные статьи. Многие предложения приходилось отклонять из-за отсутствия времени.

В промежутках между книгами мы много путешествовали. Четыре раза мы объехали вокруг света, проводили время в Европе. Одной из самых интересных (но единственной) была поездка в Советский Союз. В 1960-м мы посмотрели парад Первого мая, затем вылетели в Казахстан. Вскоре после нашего прибытия в Алма-Ату пришло сообщение об инциденте с «У-2». Обстановка стала более чем прохладной, но деваться было некуда, поэтому мы продолжили поездку, отправившись в Самарканд, который был истинной причиной нашей поездки в СССР. Мы были в Вильно незадолго до встречи на высшем уровне Хрущёва и президента Эйзенхауэра. В этот день Советский Союз запустил ракету, и тогда мы не были уверены, что она была беспилотной. После экскурсии по одному из замков в Вильно мы столкнулись с группой кадетов Красной армии, которые были чрезвычайно взволнованы этим событием и рассказали нам о нём. Новость привела нас в уныние, и мы возвратились в нашу гостиницу.

В 1970-м Роберт тяжело заболел, после чего ему потребовались два года, чтобы восстановить здоровье. Затем он снова сел за пишущую машинку и создал «Достаточно времени для любви».

Роберт всегда был человеком хрупкого здоровья. Его болезни становились всё более частыми, и всё меньше оставалось времени для книг. Мы оба имели вкус к путешествиям, мы повидали большой мир, побывали везде, куда смогли добраться. Мы посетили Антарктиду и прошли через Северо-Западный проход в Японию[3 - Северо-Западный проход - северный морской путь между Атлантическим и Тихим океанами через моря и проливы Канадского Арктического архипелага.]. Когда Китай открыл границы для туристов, мы отправились туда, посетив и другие страны Востока. «Уплыть За Закат» была издана к 80-му дню рождения Роберта. Начали приходиться вопросы: неужели его пишущая машинка произвела свою последнюю книгу? (К тому времени место машинки уже занял компьютер.) Он намеревался писать дальше, но снова вмешалась болезнь, и «Уплыть...» действительно стала его последней книгой.

Я оставляю другим оценивать значение работ Роберта, но мне не раз говорили, что он был «отцом современной научной фантастики». Его книги были изданы во многих странах, на многих языках, и некоторые из них кажутся вехами в истории.

За свою жизнь Роберт был удостоен многих наград, включая четыре награды «Хьюго» за лучший роман года. Ими были награждены «Двойная звезда» (1956), «Звёздный десант» (1959), «Чужак в стране чужой» (1962) и «Луна – суровая госпожа» (1966). Он первым был удостоен звания Гранд Мастера «Nebula Award» от авторов научной фантастики Америки. Много было и других наград: The Sequoyah Award, присуждённая детьми штата Оклахома за лучший детский роман года («Имею скафандр – готов путешествовать!»); много наград за донорское движение, которое мы организовали; «Tomorrow Starts Here», присуждённая «Delta Vee, Inc». Роберт неизменно выигрывал первые места по популярности среди авторов в опросах «Locus». Но вещью, которая доставила ему наибольшую радость, как мне кажется, было приглашение выступить на форрестоловских лекциях в его альма-матер в 1972 году[4 - Форрестоловские лекции проходят в Военно-морской академии США в Аннаполисе в память Джеймса Форрестола, военно-морского министра и министра обороны США. На выступления приглашают видных военных и гражданских руководителей, калибра министров, сенаторов и глав компаний. В своей лекции Хайнлайн рассказал о методах написания научной фантастики, о значении патриотизма и отдал должное славным традициям Военно-морского флота.].

В октябре 1988-го меня попросили приехать в Вашингтон, округ Колумбия, получить от имени Роберта «Distinguished Public Service Medal»[5 - Медаль за выдающиеся заслуги в общественной деятельности, присуждается Национальным агентством по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) с 1969 года.]. К моему величайшему сожалению, об этом он уже не узнал.

Глава I

Вначале

10 апреля 1939: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Предлагаю на рассмотрение приложенный рассказ «Линия жизни» для «Astounding» или «Unknown» – на ваш выбор, так как не уверен, какому направлению [6 - «Astounding» печатал научную фантастику, а «Unknown» – фэнтези.] он больше соответствует.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Когда Роберта спрашивали, как он начал писать, он всегда рассказывал следующую историю: он увидел объявление в одном из грошовых журналов научной фантастики, где предлагали 50.00 \$ за лучший рассказ от начинающего автора [7 - «Thrilling Wonder Stories», октябрь 1938.]. Он написал «Линию жизни», а потом решил, что рассказ слишком хорош для этого журнала. Тогда он послал его Джону В. Кэмпбеллу-мл., который к тому времени около двух лет редактировал «Astounding». Кэмпбелл всегда искал молодые дарования и, очевидно, что-то разглядел в первой работе Роберта. Роберт утверждал, что он посмотрел на чек за «Линию жизни» и спросил себя: «Интересно, насколько долго может продлиться эта афера?» Его второй рассказ тоже был принят, кажется, с одним исправлением. А затем прошло несколько месяцев, прежде чем Кэмпбелл принял следующий рассказ.

Роберт был одним из группы авторов, чью работу теперь называют «Золотым веком научной фантастики». Джон Кэмпбелл помогал своим авторам советами, а они помогали ему сделать «Astounding» ведущим журналом научной фантастики того времени.

19 апреля 1939: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

...Мне понравился ваш рассказ, «Линия жизни», планирую взять его по нашему стандартному тарифу 1 цент за слово, или 70.00\$ за вашу рукопись.

25 августа 1939: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

В ближайшее время вы должны получить наш чек на 310.00\$ за «...Виноградная лоза и фиговое дерево...» («Если это будет продолжаться...») – название нужно изменить, чтобы звучало поживей. Повесть действительно всем хороша и заслуживает нашей обычной 25 %-ной премии за «необычайно хорошую историю». Это – изумительно хорошая вещь; можете присылать нам ещё, сколько сможете.

Но – ради любви к Небесам! – не посылайте нам больше ничего на эту тему. И премия не поможет, потому что эта вещица станет головной болью и «камешком в ботинке», в ней придётся всё аккуратно перефразировать и смещать акценты.

* * *

Я получил истинное наслаждение от содержания и логики этой вещи. Вы можете и, я уверен, часто будете получать эту 25 %-ную премию за необычайно хороший материал. Меня очень интересуют рассказы и короткие повести. Эту вещь мы не можем отправить в печать, пока не закончим «Серый Ленсмен» Э. Э. Смита, поэтому сейчас мне хотелось бы ещё чего-нибудь, чтобы заполнить промежутки[8 - В приведённом отрывке опущен ряд абзацев, в которых Кэмпбелл объясняет Хайнлайну, что именно он будет вынужден вычёркивать, перефразировать и какие акценты смещать, чтобы пропустить текст в печать. «...Вы же не думаете, что мы можем напечатать всё как есть?...какую реакцию эта вещь вызовет у религиозно настроенных читателей?...она превосходна, я от неё в восторге, но многим, как Вы понимаете, она не понравится.....как вещь для печати в современном американском журнале – это динамит». Письмо пришло к Хайнлайнам в день рождения Лесли, и Хайнлайн восторженно написал в ответ, что это был лучший подарок ко дню рождения. «...Я полностью согласен с Вашей критикой этой истории. Я знал, что она нарушает множество табу, и не ожидал, что она могла быть куплена и издана при любых условиях...»].

15 декабря 1939: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

Я, очевидно, был неправ, полагая, что вы не справитесь с «Утраченным наследием» [издан в «Super Science Stories» как «Потерянный Легион» Лайла Монро], но и вы определённо ошибаетесь, полагая, что «Если это будет продолжаться...» является или имеет тенденцию стать дешёвой халтурой. Она имеет аромат, округлость фона, которые делают её прекрасной.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Джон В. Кэмпбелл-младший начал писать научно-фантастические рассказы ещё в те времена, когда учился в колледже. Он был крупным, высоким мужчиной, который сыпал идеями как бенгальский огонь – искрами, беспрестанно чем-то увлекался и привечал у себя авторов. В числе его увлечений были фотография, любительское радио и дианетика.

Роберт не был в восторге от собственного стиля Кэмпбелла и принимал в штыки те исправления, которые ДВК вносил в его рассказы. И всё же, несмотря на различия в характерах и стиле письма, эти двое мужчин стали хорошими друзьями, когда Роберт начал писать для «Astounding». После первой публикации Джон отклонил множество рассказов Роберта. Позже, после незначительных переделок, все они были проданы в другие литературные журналы. Большие Шишки из «Street and Smith» позволили Джону отмечать особенно понравившиеся произведения специальной премией. Тарифы в те дни были очень низкими, и премия была приятным дополнением к доходу автора.

Каждый месяц «Astounding» проводил опрос читателей, которые оценивали рассказы, опубликованные в предыдущих номерах. Эти рассказы соперничали друг с другом за место в разделе «Аналитическая лаборатория». Первый рассказ Роберта, «Линия жизни», в течение трёх месяцев после публикации занимал второе место по результатам опросов читателей[9 - Первое место занял рассказ Лестера дель Рея «The Luck of Ignatz».]

На протяжении тех трёх лет, пока Роберт писал главным образом для «Astounding», он то и дело занимал в этих рейтингах и первое, и второе места одновременно (под собственным именем и под псевдонимом). Он быстро стал ведущим автором Джона.

Рассказы, публикуемые в «Astounding», обычно предварялись аннотациями, написанными редактором. Их помещали и на странице содержания, и в начале рассказа. Роберт жаловался, что Джон часто раскрывал интригу рассказа в этих аннотациях.

Однако Роберт узнал очень многое о писательском искусстве от Джона.

23 января 1940: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

У меня есть идея, и я хотел бы, чтобы Вы хорошо обдумали её, прежде чем дадите мне определённый ответ. Я думаю, что Вы – один из тех писателей, которые способны с энтузиазмом перерабатывать чьи-то идеи в связную историю. Знаете, кто-то умеет это делать, кто-то совершенно не способен. Вы должны ощущать это в себе, поэтому я хотел бы услышать, как Вы отреагируете на моё предложение[10 - Заняв в 1938 году редакторское кресло, Джон Кэмпбелл очень скоро оказался в довольно тяжёлой ситуации – как автор он

фонтанировал идеями, как лояльный сотрудник «Street & Smith» не мог публиковаться где-то на стороне, а как редактор – не считал возможным печататься в своих журналах. После нескольких публикаций под псевдонимом на беллетристику был наложен мораторий. Свои идеи и наработки он скидывал молодым авторам, поэтому в текстах классиков Золотого века так много повторяющихся идей.]

23 февраля 1940: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Вот – история об инженерах-атомщиках и урановой электростанции [«Взрыв всегда возможен»]. Я намеревался послать её моему другу[11 - Роберт Корног, позднее принимавший участие в Манхэттенском проекте.] из радиационной лаборатории Лоренса в Беркли для финальной технической проверки, но решил вместо этого сначала послать Вам. Как Вы отмечали, в этой области всё быстро изменяется. И чем скорее изложенная здесь история увидит свет, тем больше шансов, что некоторые исходные посылки рассказа не будут признаны несостоятельными.

Я также думаю, что этот рассказ даст Вам некоторое представление о том, способен ли я на самом деле перерабатывать чужие идеи. Если Вы решите, что способен, то мне интересно было бы попробовать реализовать вашу идею об учёных, сходящих с ума из-за полной неопределённости в «суб-эфирном» поле. Но только не сейчас, не раньше осени. Мне кажется, что писать ещё один рассказ об учёных, сходящих с ума, сразу вслед за первым – не слишком хорошая идея, ни для меня, как автора, пытающегося заслужить коммерческую репутацию, ни для журнала.

Кроме того, это – хорошая идея, и для её реализации я хотел бы не меньше пятидесяти тысяч слов. Но сейчас на прилавках уже лежит один мой сериал[12 - Повесть «Если это будет продолжаться...» печаталась в «Astounding» с февраля по апрель 1940-го.], и я не думаю, что в этом году вы захотите издавать второй – или я неправильно сужу о коммерческих ограничениях? [13 - Рассказ был принят с ходу, на следующий день. Чеком за него Хайнлайны оплатили последний взнос в ипотеку за свой дом в Лукаут Маунтин (Лос-Анджелес).]

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Летом 1940-го Роберт побывал на востоке у Джона Кэмпбелла, и они стали верными друзьями. Письма очень долго ходили туда-

сюда[14 - Кэмпбелл хорошо принял Хайнлайнов в Нью-Йорке, они тут же стали дружить семьями. Джон познакомил Роберта с местными авторами, в т. ч. Вилли Леем, Флетчером Праттом и Роном Хаббардом. Будущий отец сайентологии покорила Хайнлайнов своей харизмой, и они долго оставались друзьями. С Вилли Леем Хайнлайн долго сотрудничал в области нонфикшн, а с Флетчером Праттом их многие годы связывала обширная переписка. В одно похмельное нью-йоркское утро Хайнлайну пришла в голову идея рассказа «Они», он написал его спустя несколько дней – и Кэмпбелл тут же, «с колёс», купил рассказ для «Unknown». Роберт показал Джону свою диаграмму «Истории Будущего» – и она была немедленно куплена тоже. Затем последовал ответный ход – Кэмпбелл извлёк из стола рукопись романа «Все» и предложил Хайнлайну соавторство. Хайнлайн был волен переработать рукопись и поставить своё имя на титульном листе. Рукопись гарантированно покупалась Кэмпбеллом для журнала. Гонорар делился пополам. Хайнлайн закончил роман за три недели, очистив сюжет от расизма и добавив культурный и психологический аспекты. Он назвал его «Шестеро против империи» и отослал Кэмпбеллу. Кэмпбелл, по обыкновению, переименовал роман в «Шестую колонну» и выслал чек. На эти деньги (584.62\$ + 38 центов из своего кармана) Хайнлайн с помощью «Дока» Э. Э. Смита, у которого были связи, купил свой первый семейный автомобиль, названный «Жаворонком IV» – в честь известного романа Смита.].

2 ноября 1940: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

...Я отказался, объяснив, что за публикацию под моим собственным именем расценки выше. (Я могу разрешить им издать «Утраченное наследие» под псевдонимом, потому что я действительно хочу увидеть эту вещь изданной. Я собираюсь её немного переписать, чтобы получилась научная фантастика, а не фэнтези, но чтобы при этом она по-прежнему рассказывала о том, о чём я хочу.) [15 - Речь идёт о попытке продать «Наследие» Фредерику Полу в журнал «Super science stories».]

Раз уж я начал говорить о нюансах моей личной политики, я чувствую себя обязанным сформулировать её более определённо, поскольку это касается и Вас тоже. В этом бизнесе я либо играю на повышение, либо выхожу – но только не снижаю планку. Я не намерен писать беллетристику настолько плохо, чтобы соскользнуть на более низкий тариф за слово, на уровень литературной халтуры. Пока Вы редактор в «Street and Smith» или в другом месте, Вы можете получать мой материал, если он Вам нужен, по цене цент с четвертью за слово (или выше, если Вы посчитаете это нужным, и это одобрит бизнес-офис). Имея

дело с Вами, я не буду пользоваться услугами литагента, хотя теперь он у меня есть. Ни моё имя, ни имя Энсона МакДональда никогда не появятся в других издательствах за те же расценки, что платите мне Вы, а если я получу лучшее предложение, то сообщу об этом Вам и поставлю Вас в известность, как положено, прежде чем сменю работодателя. Я пишу ради денег и, конечно же, буду продавать туда, где выше расценки, но я чувствую, что у меня есть сильные обязательства перед Вами. И потому никакой другой редактор не получит те два имени, которые Вы рекламировали и создавали по тем же тарифам, которые платите мне Вы.

Я, кажется, сильно отклонился от изложения моей собственной политики и моих намерений. Я, вероятно, продолжу писать, по крайней мере, некоторое время. Если когда-нибудь Вы сочтёте нужным начать отклонять мои вещи, я рассчитываю попробовать свои силы в каких-нибудь других формах, возможно, писать в гляцевые журналы или книжные романы, и особенно публицистику по теории финансов и денег, которой я долгое время хотел заняться, а также статьи по различным экономическим и социальным проблемам. У меня есть куда продать подобные вещи, но это будет скорее хобби – порядка десяти долларов за статью, на которую ушла неделя исследований, и тощие роялти с книг в этой области. Впрочем, я мог бы в то же самое время попытаться выбить более высокие расценки за беллетристику. Как знать – я никогда не думал, что буду писать журнальную беллетристику или вообще художественную литературу любого вида, но за неё хорошо платят... к моему удивлению!

В дополнение к замечаниям о моей собственной политике: возможно, Вы считаете, что моё желание перейти из сферы научной фантастики куда-то ещё пахнет неблагодарностью, учитывая то, как Вы относились ко мне. Это – главная причина, почему я с нетерпением ищу новые области приложения сил. Мне сильно не по душе вести деловые отношения с близким другом. Нынешнее положение, когда Вам нравится всё, что я пишу, и Вы это охотно покупаете, может продлиться многие годы. Если так – прекрасно! Все счастливы. Но Вам не доставила бы никакого удовольствия необходимость отклонить мой материал, и, разумеется, это было бы неприятно мне. А это может случиться в любое время – ваша редакционная политика может измениться, или мой стиль или подход могут измениться, наконец, я могу просто выйти из моды. Когда это произойдёт, я хотел бы быстро обрубить эту связь, не давая ей шанса проверить на прочность нашу дружбу. Я не хочу, чтобы дошло до того, что Вы будете листать полученную от меня рукопись, думая, «Ради Христа, почему бы ему не торговать своей требухой где-нибудь в другом месте? Ведь он знает, что мне очень не хочется ему отказывать...» И я не хочу, обнаружив в своём почтовом ящике

отвергнутые рукописи, восклицать «Милостивый Боже, чего он ожидает получить по цене цент с четвертью за слово? Ещё один Новый Завет?!» Я также не хочу, чтобы Вы принимали от меня рассказы сомнительного качества просто потому, что Вы очень не хотите отказывать. Я подозреваю, что подобное могло бы иметь место с рассказом о тессеракте [«...И построил он себе скрюченный домишко»].

На сегодня я знаю, что я – вполне рентабельная коммерческая собственность, о чём говорят как наличка от клиентов, так и «Аналитическая лаборатория», но я не собираюсь дожидаться, пока сползу на четвёртое или пятое место. Нет, когда я уйду, я уйду на взлёте, чтобы гарантировать, что наши деловые отношения никогда не станут неприятными или разочаруют одного из нас. Вот такой долгий и многословный способ сказать, что я очень высоко ценю вашу дружбу и намерен сохранять её, насколько это в моих силах.

13 февраля 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

...Мы будем платить Вам 1

/

цента за слово за ваши рассказы. Вы гарантируете, что Ваше имя не появится в других журналах научной фантастики или фэнтези. И, естественно, Вы храните упомянутые договорённости строго под замком. Поскольку сейчас «Энсон МакДональд» в такой же степени ваше имя, как и «Роберт Хайнлайн», созданный в и для «Astounding», всё сказанное распространяется и на него. Если Вы получите предложение по 1

/

или по 2 цента за слово – хватайте не раздумывая. Они либо быстро избавятся от конкурентов, либо очень быстро прогорят. Это круче, чем может себе позволить платить кому бы то ни было любое современное НФ-издание, исходя из экономических соображений.

17 февраля 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

...Только одно исключение из вышеупомянутой договорённости, которое, возможно, Вас позабавит – у меня есть ещё одно фальшивое имя [Лайл Монро] и фальшивый адрес, это совершенно отдельная от Р. Э. Х. персона, прикрываясь которой я пытаюсь сбавить последние три отстойных рассказика, из ранних [16 - Это рассказы «Вне всяких сомнений», «Крысолов» и «...Цель высшая моя...»]. Тут я отдаю предпочтение редакторам, которые мне не нравятся. Меня забавляет распродажа барахла подобным способом. Думаю, тут всё честно – они же проверяют, что покупают, и получают то, за что заплатили, – но будь я проклят, если я позволю моему настоящему имени появиться хотя бы на одном из их чеков.

...Я полагаю, моя мысль теперь ясна, я намерен и дальше держать марку, и думаю, вы об этом знаете. Позвольте мне добавить только одно: если дела пойдут плохо и бизнес-офис прикажет вам снизить тарифы, я безропотно вернусь к центу с четвертью за слово, если таков будет Ваш самый высокий тариф. Но если Вы заплатите кому-то полтора цента, я хочу столько же. Если мой материал начнёт ухудшаться и перестанет заслуживать максимальной ставки, я предпочту уволиться, а не снижать расценки. То же самое я должен был однажды сказать по поводу отказов – я их не люблю и брошу это занятие, когда они начнут приходить. Я знаю, это не может вечно продолжаться, и видит бог, достигнув в каком-то смысле вершины, я предпочту красиво уйти, а не сползать вниз по склону.

6 сентября 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Из Ваших последних двух писем я вынужден заключить, что между нами возникло некоторое взаимонепонимание – Вы, очевидно, пребываете в заблуждении, что я всё ещё пишу. Я, конечно же, не отправлял Вам открытку со словами «я увольняюсь». Я не мог этого сделать, в данных обстоятельствах это смахивало бы на ребяческую раздражительность. Однако я знал, что я уйду, знал, когда и по каким причинам это произойдёт, и много месяцев назад я посылал Вам письмо, в котором сформулировал моё намерение и мои причины. Вы же помните его? Я знаю, что Вы его получили, потому что Вы на него ответили. Суть вопроса была в том, что я продолжу писать научную фантастику и буду считать это занятие своей основной профессией до тех пор, пока я не получу уведомления об отказе, после чего я увольняюсь. Я предупредил Вас об этом заранее, чтобы Вы знали, что это сделано обдуманно, а не в порыве

раздражения.

Вы же помните, что в 1940-м я несколько месяцев с нетерпением дожидался возможности уйти. И вот, пришло время выйти в отставку – но я не смог. Я не мог себе этого позволить. Вы брали всё, что я написал по хорошим, жирным тарифам. Рабочий день приносил мне по крайней мере тридцать долларов, обычно больше. Я не мог оставить всё и предаваться праздности, я не мог забросить свою пишущую машинку без каких-то веских причин, иначе я бы не смог оправдаться перед моими остаточными пуританскими предрассудками. Поэтому я отвёл сам себя в сторонку и сказал:

«Послушай, Роберт, это пора прекратить. Тебе не нужно больше денег – большие деньги только порождают дорогостоящие привычки, которые никоим образом не сделают тебя счастливее, чем ты есть. Зато от них ты станешь толстым, дряблым, страдающим одышкой и вдобавок угробишь своё пищеварение».

На что Роберт ответил:

«Да, босс, я знаю. Но посмотрите, ведь это же машинка для печатания денег! Стукни по ней кулаком, и из неё посыплется доллары. Деньги, деньги, деньги, деньги!»

Тут мне пришлось строго ему сказать:

«Деньги! Конечно, деньги – хорошая штука, но ведь тебе их много не нужно. Мы закрыли эту тему, когда пошли служить на Флот, и мы доказали это, когда ты погорел, купив тот серебряный прииск».

На что он ответил:

«Всё так, но взгляни – ты мог бы купить столярный станок «Дженерал Электрик»! Ты мог бы поставить его вон туда – и за него просят всего 110\$».

«Опять гаджет! Ты знаешь, что я думаю о гаджетах. Да ты вообще хоть раз ими пользовался?»

«Хватит трепаться! Мы прекрасно знаем, что ты тоже любишь гаджеты».

«Ну, в разумных пределах... но стремление обладать ими – порочно!»

«Вот как? Тогда ты по уши погряз в пороках».

«Вовсе нет, – ответил я с достоинством. – Я могу брать их, могу к ним вообще не прикасаться. Кроме того, я предпочитаю сам их мастерить, а не покупать».

Спор продолжался дальше. Он указал мне, что деньги не обязательно тратить, их можно давать займы или раздавать. (Мы оба согласились, что деньги не стоит копить, разве только на конкретные краткосрочные цели.) Потом я спросил:

«Ты когда-нибудь брал займы или ссужал деньги на проект, который бы не протух со временем?»

Он упомянул пару случаев, и я был вынужден признать, что он был прав.

«...В остальных случаях нам следовало бы быть осторожней с инвестициями», – добавил он с надеждой.

Результатом спора был компромисс: я позволил ему и дальше стучать по клавишам нашего игрового автомата, пока он продолжает срывать куш, но при первом же проигрыше мы это дело бросим.

И вот наконец пришёл конверт, которого я ждал, в котором вместо чека лежал отказ [«Восьмой день творения», позже изданный как «Аквариум с золотыми рыбками»]. Я испытал лёгкий укол сожаления о неполученных деньгах, который быстро сменило приятное осознание того, что в школу можно больше не ходить. Весь день я занимался фотографией. Весь следующий день я копал яму под плавательный бассейн. Я подумывал заняться этим проектом уже пять лет, последние нескольких месяцев я всё собирался начать, но это же требует времени, очень много времени! Я мог бы нанять строителей, а сам продолжал бы стучать по пишущей машинке, но меня такой вариант не устраивал – я сам хотел заниматься тяжёлым физическим трудом, [который] обеспечивают кирка, лопата и тачка.

А кроме того, у меня было множество проектов для пишущей машинки, которые были отложены на неопределённый срок, потому что я был занят НФ. В частности, небольшая книга по денежно-кредитной теории, которая должна была быть написана полтора года назад. То есть «должна» и будет, вероятно, закончена этой зимой. Я ожидаю, что её издадут, но, вероятно, это не принесёт никаких денег. Помимо этого, меня убедили заняться учебником по началам семантики и общей семантике. Я более-менее готов к выполнению этой задачи, имея за плечами пять семинаров по предмету, однако потребуется ещё многое изучить и решить монументальную задачу разработки простых и ясных методов обучения в весьма сложной области, поскольку она требует даже от «образованного» читателя практически полной перестройки методов мышления. По моим оценкам, это может занять от двух до пяти лет. Кстати, если Вас заинтересует, то я готов сделать популярную статью или две по этому вопросу для «Astounding». Однажды я уже предлагал Вам это сделать, если помните, но Вы ничего не ответили.

Помимо вышеизложенного, я собираюсь попытаться сделать по крайней мере один роман для книжной публикации и, вероятно, попробую начать работать с глянцевыми журналами, скорее всего, через агента Вирджинию Пердью. Мне до сих пор не очень везло с агентами, а в этом деле, похоже, хороший агент – почти обязательное условие.

Хотя перечисленные планы многочисленны и увлекательны, они в то же время по своему характеру неспешные – именно то, чего я хотел. Я хочу иметь возможность остановиться, сесть и «послушать, чего хочет моя душа» в течение часа, дня или недели, если я чувствую такую потребность. Я ещё не знаю, какова моя главная цель в этом мире, если она у меня есть, но я знаю, что я не найду её, если буду слишком сильно спешить и слишком много суетиться...

...Я так многословен, потому что для меня важно, чтобы Вы поняли мои мотивы – мне нужно Ваше одобрение. Позвольте мне задать риторический вопрос: каким может быть стимул, чтобы я оставался профессиональным писателем научной фантастики? В настоящее время я – самый популярный автор в самом популярном журнале в этой сфере и получаю (я полагаю) самый высокий тариф за слово. Куда мне ещё двигаться, если исключить направление вниз? Я не могу подняться ещё выше в этой области, дальше просто некуда... Честно говоря, постоянное напряжение меня истощило. Я всё ещё могу писать, но меня ужасно утомляет каждую неделю пытаться стать умнее, чем был неделю назад. Да и зачем? Выше первого места мне не встать, полтора цента за слово – это

максимум того, что мне могут заплатить.

Я не буду пытаться оживить мои рассказы, увеличивая степень авантюристичности сюжета. Это не мой стиль.

Мне кажется, что популярность моего материала базировалась в значительной степени на том, что я постоянно расширял сферу приложения НФ и превратил её из рассказов об изобретениях в истории более тонкой тематики и более реалистично мотивированные с точки зрения человеческой психологии. В частности, я ввёл в обиход высокую трагедию и полностью отказался от формулы герой-злодей. Мой последний рассказ, тот, который Вы отвергли [«Аквариум с золотыми рыбками»], представляет собой не отход от направления, в котором я работал, но логическое и (на мой вкус) художественное развитие темы. Я не обвиняю Вас в том, что Вы его отклонили; если Вы не разглядели смысла истории, у Вас нет никакой причины думать, что его увидят ваши клиенты. Однако история имела смысл, самый важный смысл, самый мощный и трагический. Возможно, я выразил его слишком тонко, но у Вас и у меня весьма существенно различаются представления о том, какую степень утонченности может выдержать рассказ. За свои деньги Вы испортили очень много превосходных рассказов, которые Вы напечатали, выдавая их соль на странице содержания, в аннотации под заголовком и в подписях к иллюстрациям. И Вы чуть не полностью угробили «Реквием», добавив четыре строчки в конце, которые уводят читателя в тупик, уводят от истинной сути рассказа.

Как бы то ни было, я не пытаюсь продать Вам тот последний рассказ, я просто хочу сказать, что это была не бессмысленная история, но одна из самых смелых тем, которыми я когда-либо занимался и, насколько я знаю, которая никогда прежде не поднималась в научной фантастике.

Вернёмся к нашим баранам: я чрезвычайно благодарен Вам за помощь, которой Вы были для меня во всех отношениях в течение этой двухлетней попытки коммерческого письма. И я не хочу, чтобы Вы чувствовали, что я получил, что хотел, и смылся. Одной из причин непрерывных поисков, которые я делал для «Astounding» и «Unknown», было то, что я ожидал моей отставки и хотел иметь возможность сказать: «Хорошо, Джон, я ухожу, но вот – полдюжины других авторов, моих протеже, которые займут моё место и ещё останется». Я думаю продолжать эти поиски ещё какое-то время[17 - Новых авторов Хайнлайн рекрутировал для Кэмпбелла в основном из рядов литературного общества «Маньяна» (Ma?ana исп. – «Завтра»), в которое входили печатавшиеся (и даже

непечатавшиеся) писатели-фантасты и фэны Лос-Анджелеса. Это была весёлая тусовка единомышленников, которую регулярно или наездами посещали Генри Каттнер, Клив Картмилл, Спрэг де Камп, Рон Хаббард, Ли Брэкетт, Вилли Лей, Джек Вильямсон и пр. В Сообществе Роберт активно применял кэмпбелловский метод: вбрасывал общую идею, на которую все участники писали по рассказу. К поиску юных дарований Роберт подходил очень серьёзно и внимательно читал всё, что ему приносили. А если учесть, что девятнадцатилетний Рэй Бредбери, например, строчил свои тексты со скоростью пулемёта, примерно по тысяче слов в день, и тексты эти были, с точки зрения Хайнлайна, просто ужасны, можно представить себе, какое это было нешуточное бремя.]

Кроме того, я не выдвигал себе никаких жёстких и поспешных ультиматумов, что я вообще не буду писать научную фантастику. Если у меня появится идея, которая действительно меня заинтригует, то я напишу об этом рассказ и представлю его. Естественно, я не ожидаю, что Вы будете поддерживать прежнюю финансовую договорённость. Я не соглашусь на снижение расценок, но вы можете купить вещь по центу за слово под именем Лайл Монро, по центу с четвертью для Калеба Сондерса или, если Вы посчитаете, что рассказ того заслуживает, за полтора цента для Хайнлайна или Макдональда. Конечно, если один из последних двух будет иметь успех в глянцевого журналах, то его появление в бульварных изданиях будет полностью исключено, но пока это только отдалённая возможность.

16 сентября 1941: Роберт А. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Чем я, собственно, занят – я поймал Вас на слове, что вы купите «Восьмой день творения» [«Аквариум с золотыми рыбками»], если исправить его одним из двух способов: изменить концовку или изменить предыдущий кусок, чтобы концовка получилась менее неожиданной. Я предпочёл переписать предыдущие части, иначе это будет совершенно другая история, не в моём духе. Я никогда не писал рассказов о Спасителе Мира по стандартной формуле, потому что я в них не верю. Даже в «Шестой колонне» я сделал всё возможное, чтобы дать понять, что работа только началась и никогда не будет закончена. Эта конкретная история была предназначена, чтобы дать совершенно свежий взгляд на тему «вторжение инопланетного разума». Насколько я знаю, во всех подобных рассказах инопланетные разумные существа относятся к людям как к примерно равным себе, либо как к друзьям, либо как к врагам. Предполагается, что ИР будет либо другом, стремясь общаться и торговать, либо врагом, который будет сражаться и убивать или, возможно, поработать человеческий род. Однако существует

ещё один, намного более унижительный вариант, когда инопланетный разум настолько превосходит наш и настолько безразличен к нам, что почти нас не замечает. Им даже не нужна наша территория – они живут в стратосфере. Мы не знаем, развились ли они здесь или в другом месте – и никогда этого не узнаем. Наши величайшие инженерные сооружения они считают чем-то вроде коралловых рифов, то есть мало заметными и признанными, не стоящими внимания. Мы даже не можем им чем-то навредить. Да и они нам не угрожают, вот разве что их «строительство» может периодически разрушать нашу среду обитания, подобно тому, как грейдер, выравнивающий почву для прокладки шоссе, разрушает норки сусликов.

Некоторые из них могли бы между делом изучать нас – а может, и нет. А какой-нибудь чужак из них мог бы даже держать некоторых из нас в качестве домашних животных. Именно это и произошло с моим героем. Он слишком активно интересовался одним из их производственных процессов, его поймали и чисто по случайности не раздавили, а оставили в качестве домашнего животного. Со временем он осознал безвыходность своего положения, но он так и не понял со всей ясностью одну горькую истину, что человеческий род не может даже бороться с этими существами. Он был всего лишь золотой рыбкой в аквариуме – а кого заботит мнение беспомощной золотой рыбки? В моём патио устроен садок для рыбы. Возможно, живущие в нём рыбы люто ненавидят меня и поклялись меня уничтожить – но я об этом никогда не узнаю, и это не лишит меня сна. Думаю, что никакие, даже самые сокровенные научные познания не позволят этим рыбам мне навредить. Я недосыгаем для них и безразличен к ним.

Я использовал в качестве рабочего названия «Аквариум с золотыми рыбками», но изменил его, потому что, на мой взгляд, оно преждевременно раскрывало суть истории. Похоже, теперь Вы хотите раскрыть интригу быстрее? Возможно, единственное, что нужно изменить – это рабочее название. В любом случае, Джон, Вы постоянно выкладываете основную идею рассказов в аннотациях, иногда, как мне кажется, в ущерб драматическому эффекту рассказа. Поэтому я так отреагировал на аннотацию к «По собственным следам». (Впрочем, Вы – редактор! Я не жалею, я только высказываю мнение.) Я просмотрю рассказ через день-два и попробую понять, где в начале я могу подбросить улики. Если у Вас есть какие-нибудь конкретные идеи, пожалуйста, говорите сразу, я не совсем уверен, что понимаю, чего Вы хотите – по крайней мере, какого сорта подсказки нужны. Возможно, нам всё же придётся прогнать этот рассказ ещё пару раз.

Я буду счастлив продать этот рассказ по причине, которая изложена в моём последнем письме. Как Вы знаете, я постепенно распродал все полдюжины рассказов, которые Вы отвергли с того момента, как я начал писать. На прошлой неделе я продал два, через день – последние два [«Крысолов» и «Цель высшая моя», оба под псевдонимом Лайл Монро. Хайнлайн никогда не разрешал их переиздавать]. Они были совершеннейшее барахло, написаны весной 1939-го. И это полная победа: я продал каждую строчку, написанную с того самого первого дня, когда я попробовал стать профессиональным писателем... Всё подчистую, вплоть до этого последнего рассказа. И если удастся довести его до ума и продать – это будет очень приятно.

17 сентября 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

Я совсем забыл об этом маленьком нюансе. И, конечно же, теперь это обстоятельство держит меня за одно удивительно чувствительное место. Суть вот в чём.

Первое: мы переходим на увеличенный формат, и примерно на 70 % расширяются наши потребности[18 - We went to large size, with about a 70 % increase in consumption – Не очень понятно, что Кэмпбелл имеет в виду. Если «consumption» – «затраты, издержки производства», то 70 % это чересчур высокая цена для такого увеличения формата (да и какое дело писателю до издержек издательства?). Если «consumption», как я предполагаю, «потребление», в смысле увеличение потребности в текстах, то величина 70 % опять же завышена, реально площади увеличились всего на 40 %. В следующем, 1942 году журнал «Astounding» перешёл с формата «pulp» (7"х10") на формат «bedsheet» (9"х12"). При этом объём журнала ужался со 164 до 132 страниц. Позднее, в 1943-м в связи с трудностями военного времени «Astounding» сначала вернулся к формату «pulp», а затем ужался до формата «digest» (5?"х8?"). Второй журнал Кэмпбелла, «Unknown», перешёл на новый формат уже в октябре 1941-го. В 1943-м вернулся к старому формату, а вскоре был закрыт.].

Второе: У нас есть повести, но мы очень нуждаемся в рассказах.

Третье: У нас был один хороший автор, который действительно мог производить нужное количество слов. И теперь – именно в этот момент! – он собрался увольняться! И надо же такому случиться, как раз в то самое время, когда у нас нет на руках ни одной вашей вещи. Конечно, ваши протее, вместе взятые, смогут произвести примерно те же объёмы, но совсем не того качества, на

которое способны Вы.

Таким образом, мы запускаем издание большего формата, с большим объёмом в условиях потери лучшей трети наших авторов – одного человека с тремя именами.

Послушайте, как насчёт того, чтобы отложить решение, по крайней мере, до Нового года или на какой-нибудь другой срок? К тому времени, возможно, мы сумеем утрясти всё в лучшем виде.

Теперь по поводу того Рассказа – Который – Отклонили: научная фантастика обычно читается как лёгкая, эскапистская литература. Читатель не ждёт от неё (или не ищет в ней) глубокой философии; и тем паче он не ожидает и не готов к глубокой философии, когда садится читать историю, которая по всем внешним признакам будет авантурным боевиком. Батисферы... что-то внеземное или чужое... люди исчезают и гибнут... могучая угроза, следить за которой посланы военные моряки – и далее нечто мощное и энергичное, с финальным противостоянием в развязке...

Ну, или, по крайней мере, такое впечатление оставляет начало рассказа. Ответ, который Вы дали, был совершенно неожиданным, правильный ответ на неправильный вопрос, если так можно выразиться. Вся конструкция вопрос-ответ кажется бессмысленной и разочаровывает читателя. Но при расценках Хайнлайна – МакДональда в 1

/

цента я не могу себе позволить их разочаровывать. Либо измените ответ – так, чтобы он соответствовал заданному читателями вопросу, или приведите вопрос в форму, из которой бы более очевидно следовал тип ответа, чтобы всё стало ясным. Предоставленный ответ действительно содержал очень интересную идею, но эту идею перешибают неудовлетворённые ожидания авантурного боевика.

Вообще-то потерять Вас в данный конкретный момент для «Astounding» будет всё равно что вырвать зуб, когда язык то и дело нащупывает оставшуюся дырку.

Соглашусь, что подниматься вверх, как раньше, у Вас не очень получится. Я могу согласиться с Вашим желанием уйти при Ваших обстоятельствах. Но послушайте, когда это перестаёт быть обязанностью, писательство превращается в одно большое развлечение. Если бы Вам пришлось, как мне, заполнять журналы, Вы поняли бы, что хорошие рукописи – это послание Небес. Побудьте Богом ещё некоторое время и посылайте их побольше, а?

Одно я знаю твёрдо: меня ждут громкие вопли рассерженных читателей.

19 сентября 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

По поводу ваших собственных рассказов. Повести – вот ваш хлеб – повести и короткие сериалы, которые теперь, в нашем новом формате, будут целиком помещаться в одном номере. Вам нужен простор, чтобы развить культурный фон, на котором будут действовать Ваши персонажи. Я знал об этом и предложил Вам короткую форму главным образом потому, что тогда я отчаянно нуждался в рассказах, которые нельзя было бы почуять, пока не открыта книга.

25 сентября 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Я думаю, что нашёл его. Чёрт меня возьми, я в этом уверен. Я имею в виду сериал – тот, который я искал [«Там, за гранью»].

Какое-то время я словно блуждал в синем тумане, пытаюсь найти тему, центральную коллизию, подходящую для НФ-истории размером с роман. Я хотел, чтобы она была полностью зрелой, взрослой, с драматическим потенциалом – и чтобы прежде её никто не использовал. Естественно, загвоздка была в последнем требовании. Даже если НФ не исчерпала всех возможностей, их, безусловно, хорошо повыбрали, по крайней мере, мне трудно было найти действительно свежую тему. И я начал искать её методом исключения. Во-первых, я исключил космические путешествия. Заезженная тема, она имеет тенденцию затмить собой всё остальное. Потом я предположил, что основные проблемы экономики и политики уже решены. Так, одним махом, я исключил практически все сюжеты, какими я занимался раньше.

Отлично! Но за что же будут бороться мужчины и женщины во вселенной, в которой сплошь мир и процветание? Какие причины конфликтов у них остались? Проблемы секса и брака – очевидно, но я не пишу для «Ladies' Home Journal».

Основная проблема эстетики? Вполне доступная тема для разработки в НФ и к тому же свежая, но это такая тонкая материя, что будет трудно убедить читателей, что проблемы эстетики можно подвергнуть научному исследованию и обработке. То же самое относится к метафизическим проблемам.

Мне показалось, что я забрёл в тупик, и тут мне пришла в голову ещё одна идея, пусть и не новая, но практически неиспользованная. Её всячески обсуждали, вместо того, чтобы пустить в дело. Это возможности генетики и, в частности, вопрос «Что мы собираемся сделать из человеческого рода»? Г. Тукер умело разобрал этот вопрос в мартовском номере '39[19 - Имеется в виду мартовский 1939 года номер «Astounding», в котором была статья «Toward the Superman» («В ожидании Супермена») Ричарда Тукера (Richard Presley Tooker, 1902-1988).], Стэплдон имел с этим дело на огромном временном масштабе в «Последних и первых людях». Тэйн-Белл предложил некоторые возможности в «The Time Stream»[20 - Тэйн-Белл - Джон Тэйн (John Taine) - литературный псевдоним математика Эрика Темпл Белла (Eric Temple Bell, 1883-1960). Роман «The Time Stream» печатался в декабре 1931 - феврале 1932 гг. в «Wonder Stories» и рассказывал о жёсткой генетической экспертизе будущих браков в мире Эос, то ли будущем, то ли прошлом нашей Земли.], было написано множество историй о супермене, и много состряпано рассказов типа «безумный учёный в лаборатории создал новую тварь». [Олдос] Хаксли сделал красивую сатиру в «Дивном новом мире», и даже Хайнлайн прошёлся по краю этой темы в «Детях Мафусаила». Но мне кажется, что там ещё осталось, о чём писать новые и в некотором смысле лучшие истории.

30 сентября 1941: Роберт Э. Хайнлайн - Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Прилагаю кусок откровенной ерунды, черновик которой Вы видели в 1939-м. Я её сократил, в соответствии с требованиями потенциального покупателя. Он готов её купить, но я не обязан её продавать именно ему. В сокращённом виде вещь выглядит получше, и мне пришло в голову, что, если у Вас всё ещё есть проблемы с поступлением рассказов, «которые нельзя было бы почуять, пока не открыта книга», как Вы выразились, у этой вещи может быть какой-то шанс. Она не слишком хороша, я знаю, но, быть может, она не хуже, чем альтернативы?

Предлагаю Вам её по цене один цент за слово под именем Монро, которое на ней стоит, или под именем Лесли Кейта. Бог видит, что она не стоит цента за слово, но я полагаю, что это - ваш самый низкий тариф. Если Вы увидите, что не сможете её использовать, немедленно поместите её в тщательно запечатанный

сосуд и сильным пинком пошлите обратно ко мне, чтобы я смог запустить её на дешёвый рынок, для которого она и предназначена.

Я полагаю, что с моей стороны было глупостью и напрасной тратой времени заниматься переделками и продажей этого барахла, но это – последние из оставшихся, и я испытаю глубокое удовлетворение, избавившись от них всех. Ни одну из этих вещей не пришлось переписывать дважды, что само по себе не так плохо, ведь многие авторы делают как минимум по два черновика.

Завтра я начинаю переделку «Восьмого дня творения» [«Аквариум с золотыми рыбками»]. Восемь дней она не займёт, поэтому у меня останется целых два месяца на сериал. Каждый день мои проработки приносят пачки заметок, и это кайф. Я думаю, мне начинает нравиться этот сериал.

1 октября 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

По поводу «По собственным следам». Он потеснил с первого места «Здравый смысл»[21 - «Здравый смысл» – вторая часть «Пасынков Вселенной», печаталась в октябре 1941-го.]... «По собственным следам» не какая-то халтура, это – первая полноценная фронтальная атака на сюжет временной петли. Это – великолепная идея, и она была красиво решена. Вы взяли незначительный, но очень интригующий пункт из всей теории путешествий во времени и достроили его до тех масштабов, которых он заслуживает. Причин этого успеха несколько, среди прочего: в каждое возвращение Уилсона Вы следуете за его мыслями и каждый раз показываете, почему именно он сказал то, что сказал, хотя он вполне мог бы попытаться изменить слова, которые запомнил. В Вашем рассказе человек из будущего, который знает больше, всякий раз повторяет: «Это слишком долгая история, чтобы её объяснять» и отмахивается от вопросов, тем самым интригуя и одновременно раздражая читателя – и тем самым заставляя его полюбить эту историю.

4 октября 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Попытался начать сериал и меня одолела бессонница. Вчера вечером был вынужден прибегнуть к двуспальной кровати и барбитурату. Под действием лекарства просыпался всего лишь три раза за ночь, получилось более восьми часов сна, будь он проклят, и сегодня я себя прекрасно чувствую. Однако сериал всё ещё выглядит безнадежно. Идея грандиозная, удивительная, и с каждым

днём я нахожу у неё всё более интересные грани. Но с каждым днём она выглядит всё менее и менее осуществимой – в качестве бульварного чтива. События в сюжете текут с поистине геологической неторопливостью. Есть и другие проблемы, Вам они будут очевидны. Я не знаю, не знаю.

...«По собственным следам» всё же халтура – ловкий трюк, безусловно, но не более чем ловкий трюк. Сахарная вата.

Глава II

Истоки

16 октября 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Свои истории я пишу быстро, стоит только начать. Но я пока что неудовлетворён центральной коллизией. Я прокручивал в уме несколько центральных конфликтов, любой из которых, на мой взгляд, сделал бы сюжет, но среди них пока не нашлось такого, который полностью бы меня устраивал. Я хочу, чтобы эта история была высокой трагедией. Не вестерном с реками крови и сюжетом из греческой трагедии, но трагедией в истинном греческом смысле. (Обязательно трагедия, потому что для манипулирования генетикой нужна сверхчеловеческая мудрость, а я отнюдь не супермен.)

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Названия рассказов в тексте иногда опущены, поскольку в переписке часто использовались рабочие названия. Время от времени окончательное название рассказу давал сам автор, обычно же название изменял редактор перед отправкой рассказа в печать. Если приводить здесь все названия, которые сменил тот или иной рассказ, это могло бы только привести к путанице.

9 ноября 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Вот первые десять тысяч слов вещи, над которой сейчас бьюсь [«Там, за гранью»]. Откровенно говоря, полное дерьмо. Но будь я проклят, если не смогу

разродиться для Вас пригодным для печати материалом. Моя главная проблема в том, чтобы вставить в сюжет достаточное количество иллюстративного действия и не дать ему завязнуть в бесконечной болтовне. У меня целая кипа заметок для этой истории, в два раза больше, чем к любой другой вещи, которую я когда-либо делал. И это действительно интересные идеи – но я нахожу, что из них адски трудно извлечь сюжет.

Но я сделал этот кусок и продолжу делать примерно по две тысячи слов в день или больше. Пятнышки справа по краю листа – моя кровь, по капле на строку.

15 ноября 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Вот ещё кусок писанины [«Там, за гранью»]. Я думаю, лучше будет показывать Вам это еженедельными порциями, потому что я ни в коем случае не уверен относительно их качества и хотел бы, чтобы Вы просматривали и комментировали их по мере того, как я их выдаю. Тогда, если у Вас появится какая-нибудь блестящая идея, я смогу тут же её использовать. Похоже, Вы лучшего мнения об этом сюжете, чем я. Мне кажется, чтобы приделать к нему хоть сколько-нибудь живую концовку, потребуются Deus Ex Machina[22 - Deus Ex Machina (лат.) – бог из машины, неожиданный неправдоподобный счастливый поворот событий.], и в моём нынешнем бесплодном состоянии ума таким Deus можете быть избраны Вы.

2 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Думаю, не ошибусь, если предположу, что необходимые изменения и исправления могут подождать до моего приезда в Нью-Йорк. Большинство правок, если они вообще понадобятся, должны быть сделаны во второй части. Кажется, мне удалось полностью избежать разных табу. Сравните эту историю [«Там, за гранью»] с любым выпуском «Ladies' Home Journal» – мой рассказ намного более скромн, чем материалы, которые сейчас печатают в наших журналах. Я помню рассказ в «National Magazine», который издаёт «Street & Smith», в котором герой моет спину героине – оба нагишом. У себя я даже не намекаю, что половые сношения были древней человеческой традицией, и Вы можете обыскать сюжет от начала до конца, но не найдёте ни одной ссылки на анатомические детали.

Я действительно вставил сцену о телепатии с нерождённым ребёнком – как Вы предлагали. Но я убрал со сцены его мать. Не думаю, что в этой вещи есть какие-то нескромные намёки. Много сцен типа «мальчик встречается с девочкой», кое-кто будет и против них возражать, но, чёрт возьми, они должны присутствовать – чтобы история была вообще хоть как-то похожа на реальную жизнь!

8 декабря 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. – Роберту Э. Хайнлайну

Менее всего я хотел, чтобы Вы думали, что речь идёт о чем-то безотлагательном.

Возможно, Ваш эквивалент – указатель на Вашей личной эмоциональной шкале – «жажда», больше подходит по смыслу, чем «нужда». Лучше всего ситуацию сформулировать таким образом: я нуждаюсь – в смысле, «должен иметь бесперебойно» – во всяких невероятных историях. Я нуждаюсь в рукописях. Я жажду всяких невероятных историй от Вас; я страстно жажду рукописей того качества, которое Вы производите.

(Любопытно – мы оба обладаем словарным запасом, возможно, в 300 000 слов и весьма неплохо способны различать оттенки их значений. И при всём при этом у меня не получается достаточно адекватно выразить точный оттенок и интенсивность значения одной элементарной мысли: «я хочу, чтобы Вы писали рассказы для «Astounding».)

Но на будущее. Я не знаю, что Вы будете делать. Я понятия не имею, насколько Вы будете загружены работой. Я не знаю, сможете ли Вы когда-либо писать рассказы в качестве релаксации. (Я могу: это так же весело, как чтение чужих работ.)

9 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Впервые за сорок восемь часов я смог оторваться от радио достаточно надолго, чтобы думать о написании писем. Естественно, сейчас всё наше внимание сосредоточено только на одном. Мы всё ещё привыкаем к радикальным переменам, но наш боевой дух, как и у всех, чрезвычайно высок, о чём я счастлив сообщить. Лично мне эта ситуация, по сути, трагическая, помогла в решении моих собственных эмоциональных проблем. В последние полтора года

я разрывался между двумя противоположными точками зрения – с одной стороны, желанием как можно дольше беречь мои собственные маленькие земные блага, мой собственный уютный домик с неизменной компанией в лице моей жены, товарищеские отношения с друзьями и, с другой стороны, желанием добровольно вернуться на службу. Теперь всё завершилось, я доброволец и таким образом сдал мою совесть (как хороший католик) на хранение другим.

Вопрос для меня стоял весьма остро. За последние восемнадцать месяцев мне часто было весело, и я часто занимался очень интересными вещами, но я не был счастлив. Днём и ночью меня грызли сомнения относительно курса, которым я следовал. Я чувствовал, что было кое-что, что я должен был сделать. Я пытался (без особого успеха) рассуждать логически, напоминая себе, что Флот знает, где я нахожусь, знает мои способности и имеет законное право обратиться ко мне, если они захотят меня призвать. Но при этом я всё равно чувствовал себя подлецом. Эта страна была очень добра ко мне, и налогоплательщики поддерживали меня многие годы. Шестнадцать лет назад, когда меня привели к присяге, я знал, что моя служба и – в случае необходимости – моя жизнь будут отданы этой стране. Ни доводы рассудка, ни увещевания моих друзей не могли поколебать моей личной веры в то, что сейчас я не должен попусту тратить время.

Я зарегистрировался в комендатуре, как только услышал, что Пёрл-Харбор был атакован. После этого я телефонировал[23 - Телефонировал – Хайнлайны часто употребляют именно этот архаизм.] Вам. На следующий день (вчера) я представился в Сан-Педро[24 - San Pedro – портовый район Лос-Анджелеса, где размещались службы ВМФ. После вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 году сюда была переведена часть Атлантического флота.] и попросил провести медицинский осмотр. Я – старая кляча в том, что касается многих мелких нюансов – полдюжины мелких хронических заболеваний, все они обнаруживаются сразу же при физическом обследовании, но я был готов их обсуждать и оспаривать. Однако меня забраковали только по двум показателям, совершенно банальным – потому что я старый лёгочный больной и потому что я близорук вне пределов, позволенных даже для штабного персонала. У них не было иного выбора, кроме как отклонить меня в то время. Но у меня стопроцентное зрение с коррекцией, и я полностью излечен от туберкулёза, вероятно, я более нормален в этом отношении, чем значительный процент служащих, которые не подозревают, что у них он есть. Конечно, в моих лёгких есть шрамы, но что с этих шрамов?

* * *

Мои чувства по отношению к япошкам можно описать как холодную ярость. Я не только хочу, чтобы они были побеждены, я хочу, чтобы они были разгромлены. Я хочу, чтобы они были наказаны как минимум стократно, их города сожжены, их промышленность уничтожена, их флот пущен ко дну, и, наконец, их суверенитет аннулирован. Нас вынудили лечь на курс империализма. Значит, так тому и быть. Германия и Япония не безопасные соседи. Я искренне верю, что мы больше их и сильнее. Давайте будем ими править. Мы этого не хотели – но если кто-то должен быть боссом, я хочу, чтобы это были мы. Разоружить их и лишиться свободы. Мы можем прилично отнестись к частным лицам в экономическом смысле, но забрать их суверенитет.

16 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

До сих пор не удалось втюхать кому-нибудь мои ценные услуги. Письмо, в котором я просился добровольцем, сопровождаемое заверенной копией моего медицинского заключения, кружит где-то в официальных каналах. Я сунул в него конверт авиапочты с запиской помощнику коменданта, с просьбой отправить приказ о назначении незамедлительно, однако меня не удивит, если придётся торчать здесь до января или около того. Тем временем я кручусь вокруг офисов местных военно-морских учреждений, пытаюсь найти того, кто захочет послать на меня запрос. Пока безуспешно. Проклятье! Я должен был это сделать ещё полгода назад!

21 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн – Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Меня заинтересовал комментарий Вашего отца по вопросу о Флоте и ваши дальнейшие комментарии. В некоторых комментариях он жалуется на реально допущенные ошибки, другие, как Вы отметили, происходят от нехватки знания об истинных проблемах. Некоторые из реальных ошибок, как мне кажется, присущи самой природе военной организации и потому неизбежны. Военный моряк – сложная профессия, на подготовку адмирала уходит не менее двадцати пяти лет, – а ведь подвижность ума с возрастом уменьшается. Я не вижу никакого простого способа избежать этого. А ваш отец столь же восприимчив к новым идеям, как Вы? Он покинет свой пост и позволит Вам говорить ему, как управлять «АТ&Т»? Есть ли вообще какой-нибудь способ избежать этой дилеммы? Между тем, начальство... отнюдь не против новых идей, как пытаются убедить комментаторы новостей. Существующий метод зенитного огня был

изобретён энсином[25 - Энсин – младшее офицерское звание на Флоте.]. Адмирал Кинг поощрял наши с мичманом попытки изобрести новый тип бомбы. (Примечание: Мы в этом не преуспели.) Возможно, Вы помните, что одна из моих придумок была подхвачена младшим офицером и стала штатно применяться на Флоте прежде, чем следующий номер журнала оказался на прилавках[26 - См. Комментарии в конце книги. Военная тайна.]. Тем не менее есть что-то в военной жизни, что превращает людей в консерваторов. Я не знаю, как с этим справиться. Рузвельт отчасти поправил ситуацию, продвигая молодых людей и/или мужчин, способности которых он знал, но это – чистая удача, что у нас есть президент, который знал о проблемах Флота и был знаком с личным составом с тех пор, как сам был молодым человеком. Я не знаю никакого универсального решения.

* * *

Со дня на день я могу получить своё предписание – наряду со многими другими старыми клячами, которые не должны были бы выходить в море, если бы не было той пристрастной оппозиции, о которой я говорил...

...Некоторые взгляды Феликса Гамильтона автобиографичны [Гамильтон Феликс – главный герой романа «За этим горизонтом»]. Я тоже хотел бы быть всесторонне развитой личностью, но я прекрасно понимаю, что по многим параметрам я – посредственность. Мне не досталось ни хорошей памяти, ни особых способностей, ни физической силы, ни силы характера, чтобы выполнять эту работу. Меня это не слишком угнетает, но я помню о своих недостатках. Я достаточно незауряден и у меня достаточно воображения, чтобы ясно понимать, насколько поверхностно моё знакомство с миром, и знать, что у меня нет ни здоровья, ни энергии, ни запаса лет, чтобы достигнуть того, чего я хотел бы достичь. Не расценивайте это как ложную скромность...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Законодательством США был предусмотрен испытательный период в один год с момента судебного решения о разводе. Юридически развод вступал в законную силу после этого периода. Весь год Роберт и Вирджиния, опасаясь судебного преследования (которое могло обернуться крупным штрафом или тюремным заключением), колесили по стране, ночевали в мотелях, изображая случайных попутчиков, жили в трейлере и свели к минимуму контакты с друзьями. Хайнлайн опасался не только детективов, которых грозила послать по его следу бывшая жена Лесли, но и ущерба своей репутации в условиях достаточно жёсткой общественной морали. Поэтому о факте сожителства не знали даже его близкие друзья.

2

WAVES – Woman Accepted for Volunteer Emergency Service, подразделение ВМФ США, созданное в 1942 году для доступа женского персонала к службе на Флоте. Женщины должны были заменять мужчин на береговых должностях, высвобождая их для службы в действующем Флоте.

3

Северо-Западный проход – северный морской путь между Атлантическим и Тихим океанами через моря и проливы Канадского Арктического архипелага.

4

Форрестоловские лекции проходят в Военно-морской академии США в Аннаполисе в память Джеймса Форрестоло, военно-морского министра и министра обороны США. На выступления приглашают видных военных и гражданских руководителей, калибра министров, сенаторов и глав компаний. В своей лекции Хайнлайн рассказал о методах написания научной фантастики, о значении патриотизма и отдал должное славным традициям Военно-морского флота.

5

Медаль за выдающиеся заслуги в общественной деятельности, присуждается Национальным агентством по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) с 1969 года.

6

«Astounding» печатал научную фантастику, а «Unknown» – фэнтези.

7

«Thrilling Wonder Stories», октябрь 1938.

8

В приведённом отрывке опущен ряд абзацев, в которых Кэмпбелл объясняет Хайнлайну, что именно он будет вынужден вычёркивать, перефразировать и

какие акценты смещать, чтобы пропустить текст в печать. «...Вы же не думаете, что мы можем напечатать всё как есть?....какую реакцию эта вещь вызовет у религиозно настроенных читателей?....она превосходна, я от неё в восторге, но многим, как Вы понимаете, она не понравится.....как вещь для печати в современном американском журнале – это динамит». Письмо пришло к Хайнлайнам в день рождения Лесли, и Хайнлайн восторженно написал в ответ, что это был лучший подарок ко дню рождения. «...Я полностью согласен с Вашей критикой этой истории. Я знал, что она нарушает множество табу, и не ожидал, что она могла быть куплена и издана при любых условиях...»

9

Первое место занял рассказ Лестера дель Рея «The Luck of Ignatz».

10

Заняв в 1938 году редакторское кресло, Джон Кэмпбелл очень скоро оказался в довольно тяжёлой ситуации – как автор он фонтанировал идеями, как лояльный сотрудник «Street & Smith» не мог публиковаться где-то на стороне, а как редактор – не считал возможным печататься в своих журналах. После нескольких публикаций под псевдонимом на беллетристику был наложен мораторий. Свои идеи и наработки он скидывал молодым авторам, поэтому в текстах классиков Золотого века так много повторяющихся идей.

11

Роберт Корног, позднее принимавший участие в Манхэттенском проекте.

12

Повесть «Если это будет продолжаться...» печаталась в «Astounding» с февраля по апрель 1940-го.

13

Рассказ был принят с ходу, на следующий день. Чеком за него Хайнлайны оплатили последний взнос в ипотеку за свой дом в Лукаут Маунтин (Лос-Анджелес).

14

Кэмпбелл хорошо принял Хайнлайнов в Нью-Йорке, они тут же стали дружить семьями. Джон познакомил Роберта с местными авторами, в т. ч. Вилли Леем, Флетчером Праттом и Роном Хаббардом. Будущий отец сайентологии покорила Хайнлайнов своей харизмой, и они долго оставались друзьями. С Вилли Леем Хайнлайн долго сотрудничал в области нонфикшн, а с Флетчером Праттом их многие годы связывала обширная переписка. В одно похмельное нью-йоркское утро Хайнлайну пришла в голову идея рассказа «Они», он написал его спустя несколько дней – и Кэмпбелл тут же, «с колёс», купил рассказ для «Unknown». Роберт показал Джону свою диаграмму «Истории Будущего» – и она была немедленно куплена тоже. Затем последовал ответный ход – Кэмпбелл извлёк из стола рукопись романа «Все» и предложил Хайнлайну соавторство. Хайнлайн был волен переработать рукопись и поставить своё имя на титульном листе. Рукопись гарантированно покупалась Кэмпбеллом для журнала. Гонорар делился пополам. Хайнлайн закончил роман за три недели, очистив сюжет от расизма и добавив культурный и психологический аспекты. Он назвал его «Шестеро против империи» и отослал Кэмпбеллу. Кэмпбелл, по обыкновению, переименовал роман в «Шестую колонну» и выслал чек. На эти деньги (584.62\$ + 38 центов из своего кармана) Хайнлайн с помощью «Дока» Э. Э. Смита, у которого были связи, купил свой первый семейный автомобиль, названный «Жаворонком IV» – в честь известного романа Смита.

15

Речь идёт о попытке продать «Наследие» Фредерику Полу в журнал «Super science stories».

16

Это рассказы «Вне всяких сомнений», «Крысолов» и «...Цель высшая моя...».

17

Новых авторов Хайнлайн рекрутировал для Кэмпбелла в основном из рядов литературного общества «Маньяна» (Mañana исп. – «Завтра»), в которое входили печатавшиеся (и даже непечатавшиеся) писатели-фантасты и фэны Лос-Анджелеса. Это была весёлая тусовка единомышленников, которую регулярно или наездами посещали Генри Каттнер, Клив Картмилл, Спрэг де Камп, Рон Хаббард, Ли Брэкетт, Вилли Лей, Джек Вильямсон и пр. В Сообществе Роберт активно применял кэмпбелловский метод: вбрасывал общую идею, на которую все участники писали по рассказу. К поиску юных дарований Роберт подходил очень серьёзно и внимательно читал всё, что ему приносили. А если учесть, что девятнадцатилетний Рэй Бредбери, например, строчил свои тексты со скоростью пулемёта, примерно по тысяче слов в день, и тексты эти были, с точки зрения Хайнлайна, просто ужасны, можно представить себе, какое это было нешуточное время.

18

We went to large size, with about a 70 % increase in consumption – Не очень понятно, что Кэмпбелл имеет в виду. Если «consumption» – «затраты, издержки производства», то 70 % это чересчур высокая цена для такого увеличения формата (да и какое дело писателю до издержек издательства?). Если «consumption», как я предполагаю, «потребление», в смысле увеличение потребности в текстах, то величина 70 % опять же завышена, реально площади увеличились всего на 40 %. В следующем, 1942 году журнал «Astounding» перешёл с формата «pulp» (7"х10") на формат «bedsheet» (9"х12"). При этом объём журнала ужался со 164 до 132 страниц. Позднее, в 1943-м в связи с трудностями военного времени «Astounding» сначала вернулся к формату «pulp», а затем ужался до формата «digest» (5"х8"). Второй журнал Кэмпбелла, «Unknown», перешёл на новый формат уже в октябре 1941-го. В 1943-м вернулся к старому формату, а вскоре был закрыт.

19

Имеется в виду мартовский 1939 года номер «Astounding», в котором была статья «Toward the Superman» («В ожидании Супермена») Ричарда Тукера (Richard Presley Tooker, 1902–1988).

20

Тэйн-Белл – Джон Тэйн (John Taine) – литературный псевдоним математика Эрика Темпл Белла (Eric Temple Bell, 1883–1960). Роман «The Time Stream» печатался в декабре 1931 – феврале 1932 гг. в «Wonder Stories» и рассказывал о жёсткой генетической экспертизе будущих браков в мире Эос, то ли будущем, то ли прошлом нашей Земли.

21

«Здравый смысл» – вторая часть «Пасынков Вселенной», печаталась в октябре 1941-го.

22

Deus Ex Machina (лат.) – бог из машины, неожиданный неправдоподобный счастливый поворот событий.

23

Телефонировал – Хайнлайны часто употребляют именно этот архаизм.

24

San Pedro – портовый район Лос-Анджелеса, где размещались службы ВМФ. После вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 году сюда была переведена часть Атлантического флота.

25

Энсин – младшее офицерское звание на Флоте.

26

См. Комментарии в конце книги. Военная тайна.

Купить: <https://tellnovel.com/robert-haynlayn/vorchanie-iz-mogily>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)